

Год науки

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

В ОТВЕТЕ ЗА ВАВИЛОВА¹

Так получилось, что Семен Ефимович Резник, писатель и публицист, автор множества книг, практически всю жизнь не может отойти от темы Николая Вавилова. Почему именно Вавилова? Все же Семен Резник, будучи по образованию инженером-строителем, очень рано ушел в редактуру и писательство — и биологией, а тем паче растениеводством и генетикой растений, лежащих в сфере интересов Вавилова, никогда не занимался.

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор книг «Карнавал в Италии» (Балтимор: Seagull Press, 2007), «Любовь на треке» (Бостон: M-Graphics Publishing, 2008), «Какие нынче времена» (Балтимор: Seagull Press, 2008), «Старый муж» (М.: Аграф, 2010), «В ожидании чуда» (СПб.: Алетейя, 2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (М.: Аграф, 2011), «Ночной дилижанс» (Балтимор: Seagull Press, 2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (М.: URSS, 2014), «Мария Маркович и Иван Тургенев» (Киев: Каяла, 2016), «Афинская школа» (СПб.: Алетейя, 2016), «Время культуры» (СПб.: Алетейя, 2018), «Такой разный Тургенев» (М.: Академический проект, 2018), «Классика XX—XXI вв. От Булгакова до Водолазкина» (М.: Академический проект, 2019), «Путешествие с Панаевой» (СПб.: Алетейя, 2019), «Дело о деньгах. Из тайных записок Авдотьи Панаевой» (СПб.: Алетейя, 2020), «Окно в Америку. Русская культура на американской земле» (М.: Академический проект, 2020) и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и за рубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

¹ С. Е. Резник. Академик Николай Вавилов: наветы и ответы. М.: Вест-Консалтинг, 2021.

Да, все так, но... есть одно обстоятельство. Столкнувшись с этой жизнью в молодости — а первой книгой Семена Резника была именно книга о Николае Вавилове, выпущенная в серии ЖЗЛ издательством «Молодая гвардия», где писатель тогда работал, — он, кажется мне, почувствовал себя ответственным за восстановление истинной картины жизни и смерти великого ученого. Тем более что на этом пути стояли бесчисленные преграды — жэзэловскую книгу нещадно обкорнали, а под конец даже арестовали большую часть тиража.

В 1968 году она наконец вышла, но главные слова о борьбе Вавилова с Лысенко, об аресте ученого и его трагической гибели остались ненапечатанными. Спросите: почему? Чего боялась советская цензура? Чем так опасна была правдивая книга о Николае Вавилове? Почему спор великого Вавилова с шарлатаном от науки Трофимом Лысенко приобрел такое значение, что книгу, содержащую правдивый рассказ о нем, признали «идеологически вредной»?

Давайте разберемся.

И начать придется со сталинского времени. Увы, многие вопросы нашей довоенной и послевоенной истории, а также сегодняшнего дня находят объяснение в том, что происходило тогда. Небольшое личное отступление.

В перестройку, работая в московской школе, я раз за разом просила школьников высказаться по поводу Сталина. Это было время «свободы», открывались архивы, работало общество «Мемориал», публиковались книги, многие годы бывшие под запретом, воспоминания узников сталинских лагерей, народ узнавал свою настоящую историю... И что же? Мои старшеклассники уходили от всех разговоров о Сталине. Говорили: надоело, он нам не интересен, нужно идти вперед, а не копать в прошлом...

Но непонятое, неотрефлексированное прошлое мстит нам сегодня, мешает уяснить настоящее. Почему вопрос о Вавилове — Лысенко снова и снова выходит на поверхность и становится предметом дискуссии? Почему высокоуважаемый Семен Ефимович Резник должен сегодня отражать старые и новые «наветы» на Вавилова? Да потому, что в России сталинщина не изжита, а в определенные периоды, когда страну захлестывает мракобесие (сегодня, к сожалению, мы наблюдаем именно это), «наветам» предоставляется зеленый свет².

Обратите внимание, как по-разному выглядят люди в темные и светлые эпохи. В темные — с улиц исчезают интеллигентные умные лица. Вот два человека: Вавилов и Лысенко. Вавилов — представитель высокой науки, европейски образованный, красивый, знающий языки, общавшийся с цветом европейской учености. И Лысенко — «народный академик», «классово близкий» члену компартии, «ученый от сохи», человек и плохо образованный, и малокультурный, но обладающий звериной цепкостью и знающий, чего от него хотят. В темную эпоху побеждают именно такие. Истина и прогресс уступили государственной идеологии и примитивизму.

Из головы не идет сцена, как Сталин в свое время «учил истории» великого Эйзенштейна, выговаривая ему за то, что во второй серии «Ивана Грозного» опричники показаны в виде шайки дегенератов, наподобие «ку-клукс-клана», в то время как они были «прогрессивным» войском, а сам царь был человеком правильным — волевым, не допустившим «онемечивания» Руси. Гениальная картина была запрещена, а ее автор практически погублен режимом, уйдя из жизни в 50 лет.

² Еще в 1960-х в самиздате, по словам Семена Резника, широко расходился труд Жореса Медведева «Биологическая наука и культ личности», опубликованный только в 1969 году, в США, на английском языке. В книге Резника «Николай Вавилов: наветы и ответы» приложение 2 целиком посвящено Жоресу Медведеву, с которым автор встречался и переписывался. Жорес Медведев написал предисловие к книге Семена Резника «Эта короткая жизнь».

Вспомнила это еще и потому, что сегодня мы стали свидетелями, как царь-изверг и садист, потопивший в крови Новгород, убивший тысячи людей, среди которых митрополит Филипп Колычев, снова воздвигается на пьедестал — ему ставятся памятники в российских городах (Орле, Александрове, 2019 год)... Это еще один показатель, в какую эпоху живем.

В России все повторяется.

Примерно так, как Сталин и его Политбюро в своем постановлении 1946 года поручали Эйзенштейна, «плохо знавшего историю», пропагандисты от науки во главе с Трофимом Лысенко «вразумляли» и «разоблачали» приверженцев генетики, «вейсманистов-морганистов», пособников чуждой идеологии. Резник пишет: «Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стане обскурантов, человеком высокой морали среди негодяев. Неудивительно, что участь Вавилова разделили десятки преданных науке ученых, а с ними и сама наука — генетика».

Кажется, что совсем недавно, а на самом деле — уже четыре года назад, в 2017 году, Семен Ефимович Резник издал эпохальный труд о Вавиллове, тысячестраничный фолиант «Эта короткая жизнь»³.

Подробно рассказал обо всех этапах жизни Вавилова и его окружения, об экспедициях исследователя и сделанных им открытиях. Неудивительно, что Семен Резник за годы работы над материалами об ученом-биологе стал разбираться в тонкостях биологической науки, растениеводства, физиологии растений и генетики их развития не хуже дипломированного специалиста.

В той книге, о которой пишу, на первый план выступает полемический дар автора, его умение проанализировать мнение оппонента и дать ему обоснованный и взвешенный отпор, порой с элементами юмора, что только усиливает полемическую остроту.

Некоторые из статей, включенных в книгу, мы печатали в журнале «Чайка», это быстрые и разящие отклики на те статьи о Вавиллове и Лысенко, которые появились совсем недавно.

Имя Вавилова не уходит с журнальных страниц. Но все ли читатели знают его биографию?

Напомним нашим читателям вехи этой короткой жизни, длиной всего-навсего в 55 лет. Вавилов — москвич, родился в богатой купеческой семье, его дед по отцовской линии был из крестьян.

Учился в Московском сельскохозяйственном институте, на агрономическом факультете. Здесь — зародыш его дальнейших увлечений — выведение новых сортов сельскохозяйственных культур, тяга к путешествиям, в которых собирались коллекции семян и гербарии растений. За жизнь, в своих бесчисленных путешествиях по миру, Николай Иванович вместе со своими сотрудниками собрал богатейшую, лучшую в мире коллекцию культурных растений, своеобразный «генофонд» культурных злаков. На день его ареста (2 августа 1940 года) она насчитывала 250 тысяч образцов. И все это родилось из студенческой поездки по изучению флоры Кавказа и Закавказья и работы на опытной агрономической станции в Полтаве...

Там же, в институте, Николай узнал человека и ученого, сыгравшего колоссальную роль в его жизни, — это профессор, затем академик Дмитрий Николаевич Пряничников. Учитель и друг. Биографии обоих, кстати говоря, в чем-то похожи: занимались агрономией и селекцией растений, после завершения образования в России прошли стажировку в крупнейших научных центрах Европы, организовывали научные экспедиции. В тяжелую для Вавилова минуту Дмитрий Николаевич не убоился просить за

³ С. Е. Резник. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. — 1056 с.

своего ученика, встречался по поводу смягчения его участи с Берией и — что особенно удивительно — когда Вавилов уже сидел в тюрьме, выдвинул его кандидатуру на Сталинскую премию.

Среди многочисленных «наветов» на Николая Вавилова, рассматриваемых в книге Семена Резника, есть имеющее долгую историю утверждение, что-де Вавилов сам породил себе врага, когда поощрил первые шаги Трофима Лысенко, занимавшегося «яровизацией» пшеницы на опытной станции в Одессе. Семен Резник подробно разбирает этот вопрос, не оставляя у нас сомнений: Вавилов не считал «яровизацию» панaceей повышения урожайности. Он стоял за «опытную проверку» метода, а Лысенко и его подпевалы, поддержанные сверху лично Сталиным, без всякой проверки повсеместно внедряли этот метод, обещая фантастические урожаи⁴. В итоге, как пишет Резник, «цифры или замалчивались, или были фиктивными».

Противостояние Вавилова и Лысенко имело предreshенный конец. Начиная с середины 1930-х в стране, охваченной террором, побеждали шариковы.

Хозяин поставил на Лысенко, широкоещательно обещавшего повысить урожай в 5 раз за 1,5—2 года. К Вавилову же, реально оценивавшему ситуацию и противостоящему мошенническим обещаниям Лысенко, на своей последней с ним встрече Сталин обратился со словом «гражданин», как к подсудственному: «Ну что, гражданин Вавилов, долго вы еще будете заниматься пустяками, цветочками и прочей ерундой? Когда вы станете повышать продуктивность полей?»⁵ Это звучало приговором. И арест не замедлил воспоследовать. Взяли Вавилова, как это свойственно доблестным органам, во время командировки в Карпаты, в городе Черновцы. Было 6 августа 1940 года. Дальше — следствие с применением пыток (пыточных дел мастера звали следователь Хват, он же уничтожил тюремные рукописи Вавилова), обвинение в руководстве некогда не существовавшей Трудовой крестьянской партией, тройка судей, за три минуты, в отсутствие адвоката и свидетелей, приговорившая обвиняемого Вавилова к расстрелу, замененному затем 20-летним сроком.

26 января 1943 года Николай Иванович Вавилов, великий агроном и селекционер, собравший лучшую в мире коллекцию злаковых семян, умер в саратовской тюрьме — от голода.

И все же, почему в наши дни появляются — и в большом количестве — статьи против Вавилова, задаю я себе вопрос. И вот какой ответ приходит в голову.

Так же, как в случае со сталинщиной, «лысенковщина» не была подвергнута решительной и безоговорочной критике и осуждению «сверху», высшим государственным, научным или судебным органом, обладающим авторитетом и властью.

А вот противоположный лагерь нечто подобное устроил. Говорю о вошедшей в анналы позорной сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой академик, Герой Соцтруда и дважды лауреат Сталинской премии (третью ему вручат в 1949-м) Трофим Лысенко выступил с установочным докладом «О положении в биологической науке». На этой сессии, умело срежиссированной Лысенко и его командой, при поддержке «партии и правительства», а также лично Сталина советская генетика была ликвидирована как наука, уступив место доморощенной «мичуринской агробиологии». За генетикой пришла очередь молекулярной химии, квантовой физики и теории относительно-

⁴ Я уже как-то писала, что судьба Вавилова хорошо вписывается в рамки шекспировской трагедии, в которой часто мелкий и бессовестный типаж побеждает доброго, честного, но простодушного (Эдмон и Эдгар, Отелло и Яго). А еще вспоминается истинная дочь своего отца Корделия, не обещавшая ему никакой особой любви в противовес лживым и лицемерным сестрам...

⁵ Разговор передается со слов Е. С. Якушевского, слышавшего о нем от Вавилова. Ученик Вавилова, Якушевский выступал в защиту учителя, что грозило арестом и гибелью.

сти, кибернетики, языкознания, истории и психологии, музыки, литературы, кино, театра... Наступление мракобесия и подлога шло по всем линиям.

Были те, кто не соглашался: Александр Любищев, Владимир Эфроимсон к сессии 1948 года — независимо друг от друга — подготовили доклады с доказательствами, что методы Лысенко приносят сельскому хозяйству реальный вред. Доклад стоил Владимиру Эфроимсону свободы: на семь лет он был сослан в лагерь. Мужественный исследователь не смирился.

Когда в 1985 году, в самый канун перестройки, в Политехническом музее состоялась премьера фильма «Звезда Вавилова» с последующим обсуждением, Владимир Павлович Эфроимсон выбежал на трибуну с гневной речью против полуправды картины: «Вавилов, — кричал он, — вовсе не трагический исключительный случай в российской истории, он одна из многих миллионов жертв самой подлой, самой бессознательной, самой жестокой системы. И систему эту зовут сталинщина. И вовсе он не умер в саратовской тюрьме, — продолжал генетик, — от „упадка сердечной деятельности“ (заключение врача Степановой), а сдох как собака от пеллагры, то есть от абсолютного голода».

В книге Семена Резника приводится и потрясающий конец этой речи: «Палачи, которые правили нашей страной, — не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей — никто из нас не застрахован от повторения пройденного».

Семен Резник — один из тех в сегодняшнем мире, кто борется с болезнью российского общества, названной Эфроимсоном «сталинщиной». Он отбивает атаки «наследников Сталина» и приверженцев Лысенко, отбивает совместно с уже ушедшими Владимиром Эфроимсоном, Жоресом Медведевым, академиком Жуковским, Юрием Вавиловым⁶, а также с ныне живущими биофизиком, историком советской и российской науки Симоном Шнолем⁷, автором предисловия к книге Резника Захаровым-Гезехусом, председателем комиссии РАН по сохранению и разработке научного наследия Вавилова, многочисленными исследователями ВИРА и членами Вавиловского общества генетиков и селекционеров, наградивших автора книги о Вавилове почетными дипломами и грамотами...

Не хочется приводить имен тех, кто в книге Резника выступает на другой стороне.

Борьба, однако, продолжается, и книги Семена Резника могут служить для участников «теоретической опорой» и фиксацией того, что происходит с наукой сегодня.

Книга Семена Резника «Академик Николай Вавилов. Наветы и ответы» ждет своего читателя.

⁶ Памяти сына Николая Вавилова, Юрия, в книге Резника посвящено приложение 1.

⁷ См. С. Э. Шноль. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: URSS, 2010. — 714 с.